

7 ДЕК 1974

Первый в жизни Махмуда Эсамбаева сольный концерт состоялся 15 лет тому назад в Киеве. Какой-то зритель крикнул: «А сколько лет вы еще будете танцевать?». 35-летний актер ответил: «Ну, лет пятнадцать». Ныне минуло 15 лет. И народный артист СССР М. Эсамбаев начал свои юбилейные гастроли по нашей республике. Со сцены столичного Дворца культуры «Украина» он пообещал киевлянам танцевать еще 15 лет.

Оттремели аплодисменты и неистовое «бис». Ищу его в артистической, а он устроил гриммерную за шаг от сцены (как иначе успеть переодеться и немного отдохнуть?). Вокруг коллеги, поклонники, Махмуд, еще не остывший после танца, радостно возбужденный, срывая с лица татуировку, сыплет шуточками. Любезно приглашает сесть, но продолжает в шутовском ключе:

— Только напишите же, что я великий артист!

— И напишу, — спокойно парирую я. И правда: почему так не написать — слава актера соразмерна его дарованию. Однако совсем буднично прошу назначить мне время для интервью.

Лукавые бесинки в глазах сразу исчезают, уступая место грустной усталости: передо мной человек добрый и понимающий, который только что отдал людям часть себя, бросив вызов самому страшному — годам. Махмуду Эсамбаеву — пятьдесят первый. А он сохраняет легкость в лезгинке («Легенда о Чечено-Ингуштин»), ту же точную фигуру и рыцарскую красоту («Тореадор»), удивительную пластику, выдержку и координацию движений («Золотой бог»), пирровую гуттаперчевость («Макумба»). Но на смену юношескому задору пришла зрелая страсть (в «Цыганском танце» она выливается в неукротимое молодечество перед лицом безвозвратности). Прибавилось, если можно так сказать, райкинской проникновенности, выраженной по-своему фресковым языком танца и пантомимы («Родина», «Павлин»). Да и каждый танец Махмуда — не этнографическая картинка, а лаконичная, как он сам определяет, «выпетая поэма». Она передает самую суть — народа, общества, группы, явления

и др. Разве не таков его тореадор, в руках которого плащ, которым он дразнил быка, за мгновение становится повстанческим флагом непокоренной Испании. А последняя его работа — танец инков «Павлин». Слово манящий символ неразгаданной тайны мудрого и величественного племени.

— Я шел к этому танцу двенадцать лет, — рассказывает Махмуд Эсамбаев, как только

— перед вами. Эсамбаев в своей неизменной папаше. Рассказчик — заслушаешься. Добрые серые глаза и красноречивые жесты. Живописует, как в кино сыграл старика-старьевщику — мгновенно разыгрывает целую сцену. При упоминании об индийских танцах демонстрирует один из элементов так называемой свободной школы, на освоение которого потратил шесть дней. Беседа все время отклоняется от моих вопросов. Но об этом не жалеешь: яркого сгустка виденного, познанного, изображенного Эсамбаевым во время полтора часового интервью хватило бы на добрую повесть. Од-

— поступает в труппу как канатоходец и наездник. Труппа Александра Сержа гастролировала по Кавказу. И Алисултан разыскал сына через два года в Орджоникидзе. И тут же «выбил цирк» из парнишки обручем от бочки.

— Но цирк и до сих пор для меня — лучшее зрелище, — ласково грустинка в глазах Эсамбаева. — А в тринадцать лет я пришел в Чечено-Ингушский ансамбль народного танца. И пока не принес первую зарплату, отец не верил, что за танцы могут платить. Он так мечтал видеть меня юристом.

— Вы начали какое-то специальное учебное заведение?

— Я немного посещал хореографическую студию в Грозном, но, честно говоря, делал все наоборот. И в ансамбле я выдумывал свое, не замыкался

пути Махмуда замечательный педагог Леонора Грекурова. «Сиаменская легенда», армянский свадебный «Вакзалы», сложнейший индийской школы сложнейший танец «Золотой бог», таджикский «Танец с ножами» в репертуаре Эсамбаева — ее заслуга.

На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году Эсамбаева допустили на конкурс последним. А он стал первым — за «Танец с ножами». Спросили, знает ли классические, характерные танцы. И он вышел на сцену. Три первые международные премии за один фестиваль! По разделу классических он показал «Зо-

И стали танцы народов мира постоянной программой выступлений Эсамбаева. Он объездил чуть ли не весь мир. «Вашп любимые танцы?». «Все». «Сколько танцев народов мира в вашем репертуаре?». «Почти все, хотя не все их показал со сцены».

Искусство Махмуда Эсамбаева... Гастроли в Мадриде, Лиссабоне в 1959 году. В аэропорту на актера смотрят дула фашистских автоматов. А после выступления подходит знаменитый торео Пеппино Микелли: «Вы настоящий испанец!» — и дарит костюм тореадора. В Мексике за лучшее исполнение мексиканского танца — серебряное сомбреро и костюм. Такое же сомбреро когда-то завоевала Анна Павлова. «Макумбу» Махмуд исполняет в костюме, подаренном народным театром Бразилии. Когда он показал там этот танец, в котором человек ценой своей жизни побеждает зло, зрители рыдали и не могли поверить, что исполнитель не бразилец.

Ныне на первом концерте Махмуда Эсамбаева в Киеве присутствовал Анатолий Барыгин. Десять лет тому назад мальчик из Херсона, давно утративший речь в результате пережитого страха, в огромном восторге от Эсамбаева закричал во время концерта. И, пожалуй, высшей наградой для актера был этот неистово радостный крик: «Махмуд! Я же говорю!»

Вельвичия удивительная... Есть на свете такое редкое растение. Оно имеет только пару листьев и не сбрасывает их всю жизнь, а длится она до 2.000 лет. Проходят столетия, а листья растут, широкие и ребристые, громоздясь многочисленными складками на песке. Ветры пустыни только растрепывают их верхние концы. Символ бессмертия...

Испанские моряки, гости Новороссийска, подарили Махмуду Эсамбаеву вельвичию удивительную.

Н. КОШАРА.

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ВЕЛЬВИЧИЯ
УДИВИТЕЛЬНАЯ

увидел во время гастролей в Перу инкские барельефы. Изучал музыку, книги, мысленно сверял каждое свое движение с теми древними изображениями. Костюм по моим эскизам сделали мастера Палеха. Я вообще сам придумываю для своих танцев костюмы, но, бывает, мне их дарят...

Замечу: уже разговариваем в гостинице в условленный час, а фотокорреспондент нашей газеты А. Афанасьев «орудует» аппаратом, его снимки «Золотого бога» и во время беседы

нако попытаемся рассказать о нем коротко.

Родился в горах. И чуть ли не с колыбели стал танцевать. Дома, на улице, в школе неизменно цвела белозубая улыбка и ноги взлетали легконорылыми птицами. Но какой горец не танцует? Пока «красавица» в этом старый Алисултан, отец Махмуда, не видел. А вот в Грозном пошел он со своим сыном впервые в жизни в цирк. И нужно же было какому-то негодю во время представления срезать серебряные блинчики на поясе старина. Злость Алисултан согнал на Махмуде. Но нагоняя не испортил мальчику впечатления от цирка. Тайком от отца десятилетний Махмуд

в национальном, а составлял танец на его основе, как потом на основе танцев других народов старался раскрыть заложенную в них мысль, красоту. Танец — бессмертное средство самовыражения народа, ключ к постижению его души.

...Киргизский театр оперы и балета. На его сцене Махмуд создал Тараса Бульбу в одноименном балете Соловьева-Седого. И так перевоплотился, что родная дочь не узнала. А еще были «Испанский танец» в «Лауренсии», «Автомат» в «Красном маке», Дон Кихот, Гирей... И встретилась еще на

дотого бога». Жена Кришны Менона, тогдашнего посла Индии в СССР, сама известный музыковед, спросила, сколько лет он учил этот танец. «А сколько, по-вашему?». «Ну, во-земь!». «А я за двадцать дней!». Правда, это уже была непосредственная работа, которой многое предшествовало. Безгранично восхищенный, благодарный Джавахарлал Неру подарил танцовщику золототканую, в драгоценных камнях одежду «Золотого бога» — символа Солнца...